

УДК 82

**«РОЗАНОВСКИЙ СЛЕД» В ОПЯЗОВСКОЙ МОДЕЛИ
РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ**

© 2014 г.

А.В. Рьянов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

axumogon2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.06.2013

Анализируется модель литературного развития, предложенная представителями ОПЯЗа. На основе анализа текстов В.Б. Шкловского и Ю.Н. Тынянова устанавливается её связь с взглядами на литературу В.В. Розанова.

Ключевые слова: В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, В.В. Розанов, развитие литературы.

В 1921 году выходит работа В.Б. Шкловского «Розанов», впоследствии с небольшими сокращениями перепечатанная в двух изданиях его книги «О теории прозы» (1925 и 1929 гг.) под названием «Литература вне «сюжета». Уже современниками отмечалось особое значение данной работы для осмысления творческой индивидуальности В.В. Розанова. В частности, В.М. Жирмунский в своей рецензии на брошюру Шкловского писал, что после этого новаторского исследования Розанова можно рассматривать именно как художника [1]¹. Филологами более позднего времени, например Е. Бернштейн [2], также отмечается особое место этой книги Шкловского во всём отечественном «розановедении». Но, кроме собственно «розановедческой» ценности, она интересна еще и тем, что в ней четко формулируется концепция развития литературы, важная для понимания как идей самого Шкловского, так и опязовской модели истории литературы в целом. Для данной концепции, развитой впоследствии Тыняновым, характерна идея «сдвига», «прерывистости», «переломистости». Так, в первой главе книги «Розанов» Шкловский пишет: «История литературы двигается вперед по прерывистой, переломистой линии. Если выстроить в один ряд всех тех литературных святых, которые канонизованы, например, в России с XVII по XX столетие, то мы не получим линии, по которой можно было бы проследить историю развития литературных форм» [1]. Это объясняется тем, «что наследование при смене литературных школ идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику <...> В каждую литературную эпоху существует не одна, а несколько литературных школ. Они существуют в литературе одновременно, причем одна из них представляет ее канонизированный гребень. Другие существуют не канонизованно, глухо <...>. Но в это время в

нижнем слое создаются новые формы взамен форм старого искусства, ощутимых уже не больше, чем грамматические формы в речи, ставшие из элементов художественной установки явлением служебным, внеощутимым. Младшая линия врывается на место старшей <...>. Каждая новая литературная школа – это революция, нечто вроде появления нового класса. Но, конечно, это только аналогия. Побежденная «линия» не уничтожается, не перестает существовать. Она только сбивается с гребня, уходит вниз гулять под паром и снова может воскреснуть, являясь вечным претендентом на престол. Кроме того, в действительности дело осложняется тем, что новый гегемон обычно является не чистым восстановителем прежней формы, а осложнен присутствием черт других младших школ, да и чертами, унаследованными от своей предшественницы по престолу, но уже в служебной роли» [1]. Тынянов закрепляет и развивает эту теорию со ссылкой на Шкловского – однако без указания конкретного текста источника – в «Литературном факте»: «И текучими здесь оказываются не только границы литературы, ее "периферия", ее пограничные области – нет, дело идет о самом "центре": не то что в центре литературы движется и эволюционирует одна исконная, преемственная струя, а только по бокам наплывают новые явления, – нет, эти самые новые явления занимают именно самый центр, а центр съезжает в периферию. В эпоху разложения какого-нибудь жанра он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление (это и есть явление "канонизации младших жанров", о котором говорит Виктор Шкловский) <...> Строя "твердое" "онтологическое", определение литературы как "сущности", историки литературы должны были и явления исторической смены

рассматривать как явления мирной преемственности, мирного и планомерного развертывания этой "сущности"». Но при этом, подчеркивает Тынянов, ускользало то, что каждое новое явление сменяло старое и что каждое такое явление смены необычайно сложно по составу; что говорить о преемственности приходится только при явлениях школы, эпигонства, но не при явлениях литературной эволюции, принцип которой – борьба и смена» [3].

Наиболее существенными в данной теории, как видно из приведённых цитат, являются представление о литературном развитии как о беспрестанной борьбе, напряженной динамике, бесконечно далекой от прямолинейной и последовательной эволюции.

Интересно, что ещё в работе 1921 года «Достоевский и Гоголь» Тынянов, рассуждая о «борьбе» Достоевского с Гоголем, ссылаясь на Розанова. Более того, с утверждениями Тынянова, высказанными в самом начале исследования «Достоевский и Гоголь», коррелируют мысли Розанова из второй главки книги «Легенда о великом инквизиторе», в которой Розанов говорит, что последующая литература не идёт от Гоголя, как это считалось раньше, а, наоборот, борется с Гоголем. Причем Тынянов отмечает, что именно Розанов впервые открыто сказал о борьбе Достоевского с Гоголем. Вот как выглядит соответствующий фрагмент розановских рассуждений: «Известен взгляд, по которому вся наша новейшая литература исходит из Гоголя; было бы правильнее сказать, что она вся в своем целом явилась отрицанием Гоголя, борьбой против него» [4, с. 18]. А вот что говорит Тынянов: «И только в 80-х годах Страхов решился заговорить о том, что Достоевский с самого начала его деятельности давал «поправку Гоголя». Открыто о борьбе Достоевского с Гоголем заговорил уже Розанов; но всякая литературная преемственность есть, прежде всего, борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов» [5]. Из приведённых цитат видно, что тыняновская концепция отношений «Гоголь – Достоевский», развитая им в данной работе, восходит к Розанову, причем Тынянов берёт у последнего не только исторический принцип, но и фактическую основу для своих теоретических выкладок, которые подытоживает следующее суждение: «Когда говорят о «литературной традиции» или «преемственности», обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим. Между тем, дело много сложнее. Нет продолжения прямой линии, есть скорее отправление, отталкивание от известной точки – борьба.

А по отношению к представителям другой ветви, другой традиции такой борьбы нет: их просто обходят, отрицая или преклоняясь, с ними борются одним фактом своего существования» [5].

Таким образом, уже на раннем этапе формирования модели литературной эволюции Тынянов во многом исходит из положений Розанова. Вместе с тем, следует отметить, что взгляды Тынянова по данному вопросу постоянно трансформировались. Например, концепция литературной эволюции, сформулированная в «Литературном факте», имеет более фундаментальный характер, чем та версия, что была представлена в работе «Достоевский и Гоголь». Однако и в «Литературном факте» по-прежнему явно обнаруживаются следы рассуждений Розанова, пусть и частично «замаскированные» апперцепцией предпринятого Шкловским осмысления «Опавших листьев».

Шкловский, развивая в других главах книги «Розанов» модель литературной эволюции, приводит характеристики, принадлежащие герою предпринятого им исследования: «Связь с Пушкиным последующей литературы вообще проблематична. В Пушкине есть одна, мало замеченная черта, по структуре своего духа он обращен к прошлому, а не к будущему. Великая гармония его сердца и какая-то опытность ума, ясная уже в очень ранних созданиях, вытекает из того, что он существенно заканчивает в себе огромное умственное и вообще духовное движение от Петра и до себя...» [1; 6, с. 290]. Цитата эта в тексте работы Шкловского хотя и закавычена, но источник цитаты не указан, в отличие от всех остальных цитат из Розанова, где Шкловский точно указывает название работы и страницу. Глухое указание на источник цитирования имеется лишь в книге «Гамбургский счет» 1990 года (составители комментариев дают ссылку на дореволюционное издание Розанова «Литературные очерки», не указав, к сожалению, конкретной статьи). Мы в свою очередь убеждены, что данная цитата взята Шкловским из статьи Розанова «Вечно печальная дуэль» (1898 г.), в которой Розанов рассуждает об особом месте Лермонтова в истории русской литературы. После приведённой нами цитаты, которая была выделена Шкловским как текст Розанова, идёт, как выясняется, кусок текста из той же розановской статьи, который Шкловский даёт как свой, не заключая в кавычки: «Страхов в прекрасных «Заметках о Пушкине» анализом фактуры его стиха доказывает, что у него вообще не было «новых форм», и относит это к его скромности и «смирению», нежеланию быть оригинальным по форме» [1; 6, с. 290]. Из приведённого факта можно сделать вывод, что

мысли этой статьи Розанова настолько близки Шкловскому, что он даже не посчитал нужным давать их как цитату, как чужое слово. В тексте «Вечно печальной дуэли» немногим ранее мы можем прочесть, что Лермонтов должен был быть истинным источником новейшей русской литературы, в отличие от Пушкина. Розанов пишет: «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее — духовный жизни, а не был сломлен, хотя бы и огромный, но только побочный сук. «Вечно печальная» дуэль; мы решаемся твердо это сказать, что в поэте таились эмбрионы таких созданий, которые совершенно в иную и теперь не разгадываемую форму вылили бы все наше последующее развитие. Кронка была срезана, и дерево пошло в суки» [6, с. 289]. Движение литературы «в суки», в сторону интересно соотносится с мыслью Шкловского о «прерывистой», «переломистой» линии. Если учесть наше наблюдение о «присвоенной цитате», то можно предположить, что Шкловский, солидаризовавшись с Розановым по вопросу о развитии литературы «в суки», мог переосмыслить положение Розанова в своей теории движения по «прерывистой», «переломистой» линии. Наше наблюдение становится ещё более важным, если принять во внимание, что работа Шкловского «Розанов» в своей «эволюционной» части стала основой для «Литературного факта» Ю.Н. Тынянова.

Таким образом, можно заключить, что идеи, составившие модель литературного развития у

«формалистов», во многих своих аспектах напрямую восходят к Розанову.

Примечание

1. Отзыв Жирмунского приводится в комментариях к изданию: Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). [Электронный ресурс] / Сост. А. Ю. Галушкин, А.П. Чудаков. М.: Советский писатель, 1990. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/278362/read>.

Список литературы

1. Шкловский В.Б. Розанов [Электронный ресурс] // Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). / Сост. А. Ю. Галушкин, А.П. Чудаков. М.: Советский писатель, 1990. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/278362/read#t53>.
2. Бернштейн Е. О «розановщине» [Электронный ресурс] // Кириллица, или Небо в алмазах: сборник к 40-летию Кирилла Рогова. 2006. Режим доступа: <http://ruthenia.ru/document/539850.html>
3. Тынянов Ю.Н. Литературный факт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet4.htm>
4. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского Опыт критического комментария // Розанов В.В. Собр. соч. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1996. С. 7–156.
5. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet1.htm>
6. Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль» // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 8. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1996. С. 287–299.

«ROZANOV'S TRACE» IN THE OPOJAZ MODEL OF LITERARY DEVELOPMENT

A.V. Rjanov

The article analyses the model of literary evolution suggested by the members of the OPOJAZ group. Based on the analysis of the texts by V.B. Shklovsky and Yu.N. Tynyanov, the author establishes its relationship with V.V. Rozanov's views on literature.

Keywords: V.B. Shklovsky, Yu.N. Tynyanov, V.V. Rozanov, development of literature.

References

1. Shklovskij V.B. Rozanov [Ehlektronnyj resurs] // Shklovskij V.B. Gamburgskij schyot: Stat'i – vospominaniya – ehsse (1914–1933). / Sost. A. Yu. Galushkin, A.P. Chudakov. M.: Sovetskij pisatel', 1990. Rezhim dostupa: <http://lib.rus.ec/b/278362/read#t53>.
2. Bernshtejn E. O «rozanovshchine» [Ehlektronnyj resurs] // Kirillica, ili Nebo v almazah: sbornik k 40-letiyu Kirilla Rogova. 2006. Rezhim dostupa: <http://ruthenia.ru/document/539850.html>
3. Tynyanov Yu.N. Literaturnyj fakt. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet4.htm>

4. Rozanov V.V. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo Opyt kriticheskogo kommentariya // Rozanov V.V. Sobr. soch. T. 7. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo / Pod obshch. red. A. N. Nikol'yukina. M., 1996. S. 7–156.
5. Tynyanov Yu.N. Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii). [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet1.htm>
6. Rozanov V.V. «Vechno pechal'naya duehl'» // Rozanov V. V. Sobr. soch. T. 8. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo / Pod obshch. red. A. N. Nikol'yukina. M., 1996. S. 287–299.